

* * *

Вот мои шестнадцать строк:	В дружбе не выгадывал.
Я не сделал все, что мог.	В службе не закладывал.
Если Бог окажет честь, Все исполню. Силы есть.	На том свете господь Бог Подведет и мне итог.
Ради красного словца Я всегда жалел отца.	Если в рай не попаду, И в аду не пропаду.

* * *

Господи, взгляда с меня не своди —
мало добра остается в груди.

Был человеком и я до сих пор,
но приближается холод и мор.

Грابتь и бить кирпичами в висок
будем друг друга за хлеба кусок.

Низкое время у нас впереди —
Господи, взора с меня не своди!

Чтоб не посмел я ни душу, ни имя,
Боже, сгубить пред очами Твоими!

* * *

Открывается Байкал из окна вагона Синий, красный, золотой — древняя икона.	Он являет строгий лик — Спас нерукотворный. И тревожит, и томит, словно весть о чуде, Все, что было, все, что есть, все, что дальше будет...
В этот миг и в этот век, в этот мир просторный	

Иркутск (из поэмы «Москва — Чита»)

Опять Иркутск. Опять. И кстати —
перевести в полете дух...
привет, старинный мой приятель!
А может — друг? Не скажешь вдруг...

Уж так живу — не забываюсь.
Как научили, как могу:
в друзья нигде не набиваюсь,
но и от дружбы не бегу.

Мне лишь одно давно противно —
как делят, не томясь душой:
мол, тот далекий, тот интимный,
тот старший друг, а тот — большой.

Не дружбу вижу тут, а службу,
где рангам зреть и спеть дано.
Уж если стоит мерить дружбу,
то лишь годами. Как вино!

Иркутск, Иркутск... Я в нем, как дома,
мне с ним теплой и веселей.
Мы с ним не шапочно знакомы,
а прямо с юности моей.

В те дни он лишь за партой школьной
давать нам спуску не хотел.
А в остальном для воли вольной
Не ограничивал предел.

Он нас гонял по стадионам,
на лыжах ставил в декабре.
Садил на лодке плоскодонной
и уводил по Ангаре.

Он заставлял нас быть постарше,
когда и летом и зимой
влюблял до слез в девчонок наших
любовью первой и земной.

И, наши споры понимая,
он прекращал кулачный бой,
как только первая, немая
текла кровинка над губой.

И слыл тогда он щедрым очень,
своих запасов не таил.
Он нас на улицах из бочек
икрой и омулем кормил.

Варил кисель из облепихи,
держа под окнами тайгу.
Он был не громкий и не тихий,
не выделялся на кругу.

Хотя совсем не за досуги,
а за напор в делах земных

имел немалые заслуги.
Да кто же нынче-то без них?

.....
Иркутск... И мне, когда я ногу
занес, чтоб выйти за порог,
он счастья дал на всю дорогу.
Не пожалел. Не приберег.

А кто от счастья не шалает,
кого в поэты не влекло,
когда черемуха белеет,
как будто лебеда крыло!

Живу. Стихами занимаюсь
И с этим счастьем дорогим
и торжествую я, и маюсь,
и не могу расстаться с ним.

.....
Мне было молодо повсюду,
Но прежде все-таки всего,
Иркутск, тебе обязан буду
за взлеты духа моего.

* * *

Крестовоздвиженская, белая!
Да будет вечен твой узор...
Его, видать, рука несмелая,
Осмелившись, внесла в простор.

Она как будто опасалась,
Творя, природе помешать.
Ей, доброй, может быть, казалось,
Что грех природу украшать.

У этой творческой несмелости
Хватает силы с давних пор

Камень из окаменелости
Перерождать в живой узор.

Смотрю — и светом душу потчую,
Не устаю благодарить
Того, кто смог такую прочную
Из камня хрупкость сотворить.

Искусство — редкая возможность
Соединять без суеты
Два мира — слабость и надежность —
В просторах русской красоты.

* * *

Иркутск — графичен. Словно стая
птиц на снегу. И я привык
к изгибам храмов, веток, ставен —
то плавных, то, глядишь, кривых.

И эта строгая графичность
мне позволяет различать:
вот дом. Вот дерево. Вот личность.
Вот Каин. Вот на нем печать.